

На правах рукописи

Белых Никита Юрьевич

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ЛАГЕРНОЙ ЭКОНОМИКИ В 1938-1953 гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ ВЯТЛАГА – ВЯТСКОГО
ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО ЛАГЕРЯ НКВД-МВД СССР)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Ижевск – 2010

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении
высшего профессионального образования
«Вятский государственный университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Виктор Аркадьевич Бердинских

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Виктор Николаевич Земсков

доктор исторических наук, профессор
Аркадий Андреевич Тронин

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Пермский
государственный университет»

Защита состоится 2 июня 2010 г. в 12 час. на заседании диссертационного совета
ДМ 212.275.01 при ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по ад-
ресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Удмуртского государственно-
го университета и на сайте <http://www.udsu.ru>

Автореферат разослан «___» апреля 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

Г.Н. Журавлева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования.

Проблемы модернизации современной экономики и общества в России вызывают повышенный интерес к опыту индустриализации и глобальным социальным экспериментам советской эпохи.

Освоение малонаселенных, удаленных, но богатых природно-сырьевыми ресурсами территорий Европейского Севера, Урала, Сибири с помощью подневольного труда на несколько десятилетий стало государственной политикой и стратегией СССР. Именно в годы «сталинских пятилеток» лагерная экономика в разных ее формах прочно и надолго закрепились в экономике страны. Парадоксальный факт: при возведении практически всех гигантов «социалистической индустрии» использовались, с одной стороны, самый передовой зарубежный технологический опыт (американский, германский и др.)¹, а, с другой стороны, применялись доиндустриальные, по существу, формы организации строительства, включая труд подневольных «спецконтингентов».²

Насколько эффективной была эта система? Какова ее роль в плановом хозяйстве СССР? В чем заключались ее функции в советском государстве вообще? Эти вопросы не могут не подниматься современными исследователями, поскольку тема подневольного труда (а элементы подневольности и принудительности можно наблюдать в советскую эпоху во всех сферах жизни общества) является ключевой для понимания сущностных основ сталинского режима власти и советско-социалистического социально-экономического уклада в целом.

Исследование данной проблематики позволит лучше понять причины и особенности массового применения подневольного труда в Советском Союзе сталинской эпохи, а также специфику функционирования устойчивой социальной группы советского общества – лишенных свободы (заключенные, спецпереселенцы, военнопленные), которая также не может быть осмыслена без обращения к проблемам мотивации и эффективности их труда – в самом широком смысле слова.

Объектом данного исследования является экономика системы Гулага сталинской эпохи.

Предмет исследования – экономика Вятского исправительно-трудового лагеря НКВД-МВД СССР в 1938–1953 гг.

Лагерная экономика в первую очередь основывалась на труде заключенных, спецпереселенцев (спецпоселенцев), «трудоармейцев» («мобилизованных в рабочие колонны», «трудооблизованных»), военнопленных, интернированных, узников проверочно-фильтрационных лагерей и некоторых других групп населения, которые были подконтрольны НКВД-МВД-МГБ и которых в документации этих ведомств относили к «спецконтингентам», то есть лицам, находившимся в местах лишения/ограничения свободы, в большей или меньшей степени ограниченным в

¹ Шпотов Б.М. Бизнесмены и бюрократы: американская техническая помощь в строительстве Нижегородского автозавода, 1929-1931 гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2002. – М., 2003. С.191-232; Россия и США: экономические отношения 1917-1933 гг. Сборник документов. – М., 1997.

² ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. – М., 2008.

правах. Это, по количественным параметрам, в общем, относительно небольшая часть демографического трудоспособного потенциала СССР: не более 8% (включая военнопленных) – в пиковый период наполняемости Гулага (вторая половина 1940-х гг.)³.

В целях инструментальной дифференциации, в данном исследовании используются термины «принудительный» («подневольный») труд в узком смысле слова – применительно к лагерным «спецконтингентам», а труд работников, непосредственно не подконтрольных (в административно-управленческом и хозяйственном плане) органам НКВД-МВД, – условно именуется «вольнонаемным» трудом.

Территориальные рамки работы, в основном, ограничены пределами места дислокации Вятского ИТЛ – северо-восточный регион (Кайский/Верхнекамский район) Кировской области, с временными «анклавами» в Омутнинском, Фаленском, Зуевском, Нагорском, Халтуринском/Орловском, Кировском районах, а также в некоторых прилегающих районах Удмуртии (Ярский), Коми Республики (Койгородский и Усть-Куломский) и Пермского края (Гайнский район Коми-Пермяцкого национального/автономного округа). Наряду с этим, для полноты картины и более объемного уяснения проблемы, используются документы и архивные материалы Гулага, НКВД-МВД и других органов государственного управления СССР, относящиеся к стране в целом.

Хронологические рамки исследования охватывают период от возникновения Вятского ИТЛ (1938 г.) до смерти И.В. Сталина (1953 г.) – то есть до завершения важного этапа в истории Гулага и Советского Союза.

Степень изученности проблемы.

В историографии Гулага можно выделить два больших периода. Первый из них определяется со времени возникновения Гулага (1930-е гг.) до наступления 1990-х гг., а второй – с начала 1990-х гг. до наших дней. Для первого периода характерны: почти полное отсутствие документально-источниковой базы и превалирование воспоминаний бывших заключенных Гулага над всеми другими источниками.

После крушения советского строя, в начале 1990-х гг., исследователи получили доступ в некоторые ранее закрытые архивы, что знаменовало наступление эпохи профессионально-научного освоения темы, выразившегося, прежде всего, в составлении и публикации документальной базы по данной проблематике.

Существенной особенностью первого периода является то, что основные работы публиковались за рубежом СССР: в Англии, ФРГ, Франции, США и других странах Запада. Даже сводные научно-исследовательские труды базировались исключительно (или преимущественно) на мемуарной литературе и страдали (по вполне объективным причинам) неполнотой и/или неточностями⁴. Особенно ве-

³ Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1987 г. Стат. ежегодник. – М., 1988. С.346; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2 т. – СПб., 2003. Т.2. С.377; Демографический энциклопедический словарь. – М., 1985. С.437; История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 тт. Том 4. Население ГУЛАГА: численность и условия содержания. – М., 2004. С. 134-135; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930-1960. – М., 2003. С.123-125.

⁴ См., напр.: Андреев Г. Соловецкие острова. 1927-1929//Грани. 1950. № 8. С.42-90; Артемьев В.И. Режим и охрана ИТЛ МВД. – Мюнхен, 1956; Даллин Д., Николаевский Б.И. Принудительный труд в СССР. – New Haven. 1947; Карклинс Р. Организация власти в советских исправительно-трудовых лагерях./Комментарии Г.Ф. Хохрякова//Социологические исследования. 1990. № 6. С.105-120; Конквест Р. Большой террор. В 2-х тт. – Рига, 1991; Критчлоу Д. Репрессированные народы Советского Союза. Наследие сталинских депортаций/Отчет Хельсинкской группы по

лик разброс статистических данных по Гулагу. Так, в работе А. Лебеда и Б. Яковлева, составленной по результатам расследования ООН о применении принудительного труда в СССР, число советских заключенных в начале 1950-х гг. определялось в количестве от 13.000.000 до 18.000.000⁵.

После XX съезда КПС (1956 г.) в Советском Союзе стали возможны первые попытки гласного обсуждения темы Гулага и сталинских репрессий. Появились первые публикации бывших политзаключенных: А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова и др. Даже при необходимой критической оценке этих публикаций, не вызывает сомнения, что уже в первый исследовательский период все же были верно поставлены основные проблемы истории Гулага и массового применения подневольного труда в СССР.

Частичное открытие отечественных архивов (с начала 1990-х гг.) позволило начать широкую публикацию документов по данной тематике и их изучение. Стоит выделить, прежде всего, комплекс обобщающих статей историка В.Н. Земскова, основанных на статистических материалах НКВД-МВД СССР из Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ)⁶. Точные сведения о количестве заключенных (в том числе – постатейно) и спецпереселенцев (спецпоселенцев) в стране позволили более четко исследовать и проблему использования массового подневольного труда в СССР.

Постепенно стали издаваться тематические сборники документов по истории Гулага. Этапным завершением этого направления уже в последние годы стало издание фундаментального 7-томного собрания документов «История сталинского Гулага»⁷, где выделены основные сущностные проблемы политических репрессий сталинской эпохи, в том числе и массового использования подневольного труда в экономике Советского Союза. Построение томов издания по проблемному принципу в немалой степени содействовало успеху этого труда. Обширные исследовательские вводные статьи⁸, а также комплекс комментариев делают это издание не-

правам человека. – Helsinki, 1991; Лабезников А. Радостные песни. – Тель-Авив, 1987; Лебедь А., Яковлев Б. Транспортное значение гидротехнических сооружений СССР. – Мюнхен, 1954; Максудов М. Потери населения СССР в 1918-1958 гг.//СССР: внутренние противоречия. Вып.11. – Нью-Йорк, 1984. С.156-242; Негретов П.И. Все дороги ведут на Воркуту. – Вермонт, 1985; Некрич А. Наказанные народы. – Нью-Йорк, 1978; Нива Ж. Человек и ГУЛАГ//СССР: внутренние противоречия. Т.16. – Нью-Йорк, 1986. С.175-224; Панин Д.М. Записки Сологодина. – Франкфурт-на-Майне, 1973; Розанов М. Завоеватели белых пятен. – Посев. 1951; Росси Ж. Справочник по ГУЛА-Гу. – Лондон, 1987; Солоневич И.Л. Россия в концлагере. – София, 1936; Трегубов Ю. Восемь лет во власти Лубянки. Записки членов НТС//Посев. 1956. № 5-16, 18-22, 24-25, 28-34, 36, 40-43, 47-52; Хребтович-Бутенева О.А. Перелом (1939-1942)/Всероссийская мемуарная библиотека (Серия «Наше недавнее»). – Париж, 1984. Т.3; Шапиро Л. История Коммунистической партии Советского Союза. – Лондон, 1990; Шварц С. Организация рабского труда в СССР//Социалистический вестник. 1951. № 1; Яковлев Б. Концентрационные лагеря СССР. – Лондон, 1955.

⁵ Лебедь А., Яковлев Б. Указ. соч. С.167.

⁶ Земсков В.Н. ГУЛАГ (Историко-социологический аспект)// Социологические исследования. 1991. № 6, 7; Его же. Заключенные в 30-е годы (демографический аспект)//Там же. 1996. № 7; Его же. Заключенные в 1930-е годы: социально-демографические проблемы//Отечественная история. 1997. № 4; Его же. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (статистико-географический аспект)//История СССР. 1991. № 5; Его же. К вопросу о масштабах репрессий в СССР//Социологические исследования. 1995. № 9; Его же. Спецпоселенцы в СССР. 1930-1960. – М., 2003.

⁷ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 томах. – М., 2004-2005.

⁸ Верт Н. Введение//История сталинского Гулага. Т.1. Массовые репрессии в СССР. С.57-89; Петров Н.В. Введение//Там же. Т.2. Карательная система: структура и кадры. С.21-52; Хлевнюк О.В. Введение//Там же. Т.3. Экономика Гулага. С.21-54; Безбородова И.В. Введение//Там же. Т.4. Население ГУЛАГА: численность и условия содержания. С.27-58; Царевская-Дякина Т.В. Введение//Там же. Т.5. Спецпереселенцы в СССР. С.23-94; Козлов В.А.

заменимым для любого исследователя советской истории 1920–1950-х гг. Особый интерес (в рамках рассматриваемой в настоящем исследовании темы) представляет том 3-й этого издания, посвященный экономике Гулага⁹.

Экономические проблемы в истории Гулага активно изучали в последние два десятилетия С.И. Кузьмин¹⁰, О.В. Хлевнюк¹¹, Г.М. Иванова¹², Л.И. Бородкин¹³, Л.П. Рассказов¹⁴, Л.С. Трус¹⁵, М.И. Хлусов¹⁶ и ряд других исследователей. При этом подавляющее большинство авторов солидаризируется с той точкой зрения, что подневольный труд разлагающе действовал на экономику страны.

Целый ряд работ российских историков: В.А. Бердинских¹⁷, Л.И. Гвоздковой¹⁸, О.П. Еланцевой¹⁹, В.М. Кириллова²⁰, А.Г. Козлова²¹, А.Н. Кустышева²², Н.А. Морозова²³, А.Б. Сулова²⁴, В.Н. Тряхова²⁵, Н.В. Упадышева²⁶, С.А. Шевырина²⁷, В.А. Шмырова²⁸ и других – посвящены исследованию развития конкретных лагер-

Введение//Там же. Т.6. Восстания, бунты и забастовки заключенных. С.25-102; Добровская А.В. Предисловие//Там же. Т.7. Советская репрессивно-карательная политика и пенитенциарная система в материалах Государственного архива Российской Федерации. С.13-22.

⁹ История сталинского Гулага. Т.3. Экономика Гулага/Отв. ред. и сост. О.В. Хлевнюк. – М., 2004.

¹⁰ Кузьмин С.И. Труд в местах лишения свободы России в 1917-1959 годах, его цели и содержание//Уголовно-исполнительное право России. С.161-185.

¹¹ Хлевнюк О.В. Принудительный труд в экономике СССР. 1929-1941 годы//Свободная мысль. 1992. № 13. С.73-84; Его же. Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 1930-1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития//ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С.67-89; Кравери М., Хлевнюк О. Кризис экономики МВД (конец 1940-х – 1950-е годы)//Cahiers du Monde russe. Vol.36 (1-2). 1995. P.179-190.

¹² Иванова Г.М. Гулаг в системе тоталитарного государства. – М., 1997; Ее же. История ГУЛАГа, 1918-1958: социально-экономические и политико-правовые аспекты. – М., 2006; Ее же. Лагерная экономика//ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. – М.-СПб., 1998. С.28-40.

¹³ Бородкин Л.И. Труд в ГУЛАГе: между принуждением и стимулированием//ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С.129-156; Бородкин Л.И., Эртц С. Никель в Заполярье: труд заключенных Норильлага//Там же. С.197-238.

¹⁴ Рассказов Л.П. Роль ГУЛАГа в предвоенных пятилетках//Экономическая история: Ежегодник. 2002. – М., 2003. С.269-319; Рассказов Л.П., Упоров И.В. Использование и правовое регулирование труда осужденных в российской истории. – Краснодар, 1998.

¹⁵ Трус Л.С. Введение в лагерную экономику//ЭКО. 1990. №№ 5, 6; 1991. № 1; Его же. Зеркало реального социализма или введение в экономику и социологию принудительного труда//Возвращение памяти: Историко-публицистический альманах. Вып.2. – Новосибирск, 1994.

¹⁶ Хлусов М.И. Введение//Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны в 1930-е годы: Сборник документов. – М., 1998. С.3–12.

¹⁷ Бердинских В.А. История одного лагеря (Вятлаг). – М., 2001.

¹⁸ Гвоздкова Л.И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. – Кемерово, 1997.

¹⁹ Еланцева О.П. Обреченная дорога: БАМ, 1932-1941. – Владивосток, 1994.

²⁰ Кириллов В.М. История репрессий в нижнетагильском регионе Урала (1920 – начало 1950-х гг.). В 2-х частях. – Нижний Тагил, 1996; Его же. Тагиллаг. – Нижний Тагил, 1996.

²¹ Козлов А.Г. Магадан: История возникновения и развития. Ч.1. – Магадан, 2002.

²² Кустышев А.Н. Европейский Север России в репрессивной политике XX века. – Ухта, 2003; Его же. Ухтижемлаг. 1938-1955. – Ухта, 2003.

²³ Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае, 1929-1956 гг. – Сыктывкар, 1997; Его же. Особые лагеря МВД СССР в Коми АССР. 1948-1954 годы. – Сыктывкар, 1998.

²⁴ Сулов А.Б. Принудительный труд на Урале (конец 1920-х – начало 1950-х гг.): эффективность и производительность//ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С.255-278; Его же. Спецконтингент в Пермской области (1929-1953 гг.). – Екатеринбург-Пермь, 2003.

²⁵ Тряхов В.Н. ГУЛАГ и война. Жестокая правда документов. – Пермь, 2005.

²⁶ Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Архангельском Севере: 1919-1953 годы. – Архангельск, 2004; Его же. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад. – Архангельск, 2007; Его же. Исторический опыт использования принудительного труда заключенных ГУЛАГа//Вестник Поморского университета (Архангельск). Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2003. № 1. С.24-32.

²⁷ Шевырин С.А. Принудительный труд в лагерях и колониях на территории современного Пермского края, конец 1920-х – середина 1950-х гг. Автореферат диссертации ... кандидата исторических наук. – Ижевск, 2008.

²⁸ Шмыров В.А. К проблеме становления ГУЛАГа (Вишлаг)//Годы террора. Т.1. – Пермь, 1998.

но-производственных комплексов (становой системы Гулага) либо формированию структур подневольного труда на территориях отдельных регионов. Несомненный интерес в этой связи представляют также работы, посвященные истории пенитенциарной системы в СССР в целом²⁹.

Постоянное и пристальное внимание исследованию проблем подневольного труда сталинско-советской эпохи уделялось и уделяется зарубежными историками, политологами, социологами³⁰.

Избранная библиография основных работ и публикаций, посвященных советской карательной системе, приводится в 7-м томе «Истории сталинского Гулага»³¹.

Изучение истории Вятского исправительно-трудового лагеря (Вятлага) НКВД-МВД СССР началось лишь в 1990-е гг. Первые публикации носили справочный характер³². Привлечение материалов уникального ведомственного архивохранилища Вятлага (поселок Лесной Верхнекамского района Кировской области) позволило создать достаточно аргументированные, насыщенные обширным

²⁹ См., напр.: Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж.-Л. Черная книга коммунизма. Преступления. Террор. Репрессии. – М., 2001; Детков М.Г. Содержание карательной политики Советского государства и ее реализация при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы в 30-50-е годы. – Домодедово, 1992; Дугин А.Н. Неизвестный ГУЛАГ: Документы и факты. – М., 1999; Карклинс Р. Указ. соч.; Козлов В.А. Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления ГУЛАГом (конец 1920-х – начало 1950-х гг.)//Общественные науки и современность. 2004. № 5; Кокурин А., Морукнов Ю. ГУЛАГ: структура и кадры//Свободная мысль-XXI. 2000. № 7-12; 2001. № 1, 3-7, 9-12, 2002. № 2; Кокурин А., Петров Н. ГУЛАГ: структура и кадры//Свободная мысль-XXI. 1999. № 8, 9, 11, 12; 2000. № 1-6; Кузьмин С.И. Исправительно-трудовые учреждения в СССР (1917-1953 гг.). – М., 1991; Его же. Лагерники (ГУЛАГ без ретуши)//Молодая гвардия. 1993. №№ 3, 4, 5-6; Его же. Политико-правовые основы становления и развития исправительно-трудовых учреждений. – М., 1988; Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934-1941. Справочник. – М., 1999; Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – М., 2001; Смирнов М.Б., Сигачев С.П., Шкапов Д.В. Система мест заключения в СССР. 1923-1960 гг.: Справочник. – М., 1998; Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России. – Екатеринбург, 1997; Стручков Н.А. «Зона», приоткрытая для критики//Коммунист. 1989. № 18; Тимофеев В.Г. Уголовно-исполнительная система России: цифры, факты и события. – Чебоксары, 1999; Хайнцен Дж. Коррупция в Гулаге: дилеммы чиновников и узников//ГУЛАГ: экономика принудительного труда. С.157-174; Цаплин В.В. Архивные материалы о числе заключенных в конце 30-х годов//Вопросы истории. 1991. № 4-5; Его же. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы//Вопросы истории. 1989. № 4. С.175-181; Шуткова Е.Ю. Советские политические репрессии в отношении несовершеннолетних (1917-1953 гг.). Автореферат диссертации ... кандидата исторических наук. – Ижевск, 2003; Эбеджанс С.Г., Важнов М.Я. Производственный феномен ГУЛАГа//Вопросы истории. 1994. № 6. С.188-190.

³⁰ См., напр.: Applebaum A. GULAG: a History. – New York: The Penguin Press, 2003 (на русском языке – М., 2006); Brass T., Van der Linden M. (Ed.) Free and Unfree Labour. The Debate Continues. – Berne, 1997; Einfeld A., Herdt V. Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee: Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956. – Koeln, 1996; Gregory P.R., Lazarev V. (ed.) The economics of Force Labor. The Soviet Gulag. – Stanford, 2003; Jakobson M. Origin of Gulag: The Soviet Prison Camp System 1917-1934. – Lousville, 1993; Karner S. Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941-1956/Kriegsfolgen-Forschung. – Wien-Munchen, 1995. Bd.1.; Pohl J.O. The Stalinist Penal System. A Statistical History of Soviet Repression and Terror, 1930-1953. – Jefferson, North Carolina and London, 1997; Reflections on the GULAG/Ed. by E.Dundovich, F.Gori, E.Guerceti. – Milano, 2003 и др.

³¹ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 тт. Т.7: Советская репрессивно-карательная политика и пенитенциарная система в материалах Государственного архива Российской Федерации/Сост.: Козлов В.А., Мироненко С.В. (отв. ред.). – М., 2005. С.672-682; библиографический обзор и краткое резюме обсуждения результатов исследования проблем сталинского террора и Гулага отечественными и зарубежными авторами см. также: Cahiers du Monde Russe. 2001. Vol.42. № 2-4 (специальный выпуск, посвященный истории советских органов госбезопасности).

³² Бортников В. Крестный путь//Вятский край. 1991. 15 мая; Рылов А. Закрытая зона (Записки редактора)//Трудовой вымпел (г. Киров). 1991. №№ 13-17; Ожегин П.Т. Вятлаг//Энциклопедия Земли Вятской. Том 4. История. – Киров, 1995. С.408-421; Его же. Мученики ГУЛАГа//Энциклопедия Земли Вятской. Том 2. Литература. – Киров, 1995. С.246-254; Шмидт В. Работали не за страх, а за совесть//К трудовой жизни (п. Лесной). 1994. 18 ноября; Его же. Все для фронта, все для Победы//Там же. 1995. 5 мая; Киприянов А. «Почтовый ящик» за колючей проволокой//Прикамская новь (г. Кирс). 1996. 21 мая (№ 57). С.3.

документально-фактическим сопровождением обобщающие работы по этой теме³³.

Вместе с тем проблема использования и эффективности подневольного труда в лесных лагерях Гулага, а тем более в Вятлаге, до сего времени не становилась объектом отдельного исследования.

Стоит отметить, что многие важные проблемы истории Гулага находятся лишь на начальной стадии изучения, ряд других – остается по сей день в разряде дискуссионных, например: механизмы устрашения и кары; эффективность применения массового подневольного труда в XX веке. Появившиеся в последнее время коллективные труды и документальные сборники³⁴ представляют собой лишь первые подступы к этим проблемам. В начальной стадии изучения находится и вопрос о динамике применения подневольного труда в масштабах всей страны. Именно поэтому остро необходимы исследования такого рода проблем на примере конкретных лагерных комплексов.

По-прежнему среди наиболее существенных и распространенных (хотя и отнюдь не бесспорных) являются тезисы о том, что подневольность труда в местах лишения/ограничения свободы была эффективной – в силу своей «мобилизационности». Аргументация при этом сводится к тому, что при необходимости сосредоточения объемных трудовых ресурсов, при минимальной инфраструктуре для их обустройства и ничтожно малой заработной плате – наиболее эффективными в 1930-х – 1940-х гг. оказались именно массы подневольных работников (заключенных и спецпереселенцев/спецпоселенцев)³⁵. Труд же конкретного невольника (в силу множества причин) неэффективен. Излишне при этом говорить об аморальности подхода государства к своим гражданам лишь как к резервуару массового труда.

Таким образом, историографический обзор позволяет сделать вывод, что, несмотря на наличие указанных выше работ по проблематике экономики Гулага и истории Вятлага, данная тема настоятельно требует дальнейшей разработки.

Исходя из актуальности и степени изученности темы, **целью данной работы** является исследование подневольного труда в системе лагерной экономики 1938–1953 гг. на материалах Вятского ИТЛ НКВД-МВД СССР.

Это, в свою очередь, предполагает решение следующих **исследовательских задач**:

1. Изучение эволюции и тенденций производственной структуры Вятлага в 1938–1953 гг. как системы подневольного труда.

2. Выявление принципов и особенностей функционирования лагерного хозяйствования: организации производства и использования рабочей силы; принуждения и стимулирования в системе лагерного труда; проблем эффективности этого труда и «лагерной экономики» в целом.

³³ Бердинских В.А. Вятлаг. – Киров, 1998; Его же. История одного лагеря (Вятлаг). – М., 2001.

³⁴ См.: Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны в 1930-е годы: Сборник документов/Сост. М.И. Хлусов. – М., 1998; История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 тт. Т.3: Экономика Гулага. – М., 2004; ГУЛАГ: Экономика принудительного труда/Под. ред. Бородкина Л.И., Григорьи П., Хлевнюка О.В. – М., 2008.

³⁵ Шевырин С.А. Указ. соч. С.9.

Источниковедческая база диссертации.

Одной из самых важных групп источников для данного исследования стали материалы делопроизводства и отчетные документы Гулага. Это – отчеты, планы, сводки, данные проверок, приказы, инструкции и т.п. Специфика такого рода источников заключается в том, что они зачастую носят слишком общий и не всегда достоверный характер. Поэтому более реальную картину может дать лишь перекрестная проверка одних источников другими (например, данных о смертности, «активированных инвалидов» и др.). Таким образом, массив этих источников приобретает информативную ценность только при достаточном аналитическом уровне их осмысления. В основном материалы этой группы источников содержатся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Государственного архива Кировской области (ГАКО), Государственного архива социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО), а также архивохранилища Вятского ИТЛ³⁶. К источникам этой группы можно отнести также материалы, отложившиеся в отдельном фонде «Вятлаг» архива научно-исследовательского и просветительского центра (НИПЦ) «Мемориал» (г. Москва).

В качестве еще одной группы источников можно выделить материалы контролирующих организаций (обкома КПСС, областной прокуратуры и др.). Особенностью этих материалов является то, что они составлялись людьми, находившимися вне гулаговской системы и не зависевшими от нее, вследствие чего эти материалы часто содержат критику указанной системы, раскрывают факты, отличные от лагерной отчетности. Таким образом, сопоставление данных контролирующих организаций и внутригулаговских документов позволяет заметно скорректировать общую информацию о лагерном труде и быте.

Важной для настоящего исследования явилась также группа источников, содержащая обширный статистический и фактический материал о различных сторонах жизнедеятельности ИТЛ и имеющая комплексный характер. Речь идет о так называемых «актах передачи управления лагерем», составившихся при смене начальников ИТЛ. Зафиксированные в этих актах и справочных приложениях к ним данные предоставляют, в частности, возможность определить объемы, структуру, значение и роль лагерного производства, выявить периоды максимальной эксплуатации подневольного труда, составить динамику производственной деятельности лагеря по всем ее направлениям.

Следующей группой источников послужили законодательные и нормативные акты – как опубликованные, так и не подлежавшие публикации. Это – Исправительно-трудовые кодексы РСФСР и Российской Федерации разных лет, постановления, приказы, инструкции, положения, директивы, регламентирующие режим и труд в местах лишения свободы. Данные источники позволяют реконструировать принципы и намерения власти в сфере принудительного труда и жизнедеятельности карательно-исполнительной системы в целом. В последние годы, как уже отмечалось, опубликован значительный массив документов и источников, связан-

³⁶ Ныне – Вятское управление по руководству учреждениями с особыми условиями хозяйственной деятельности (УРУОУХД) Управления Федеральной службы исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации по Кировской области.

ных с историей Гулага и его хозяйственной деятельности³⁷. Некоторые нормативно-правовые акты и положения еще не опубликованы и хранятся в Государственном архиве Российской Федерации³⁸. В основном указанные источники востребованы автором из опубликованных материалов, архивных фондов, справочно-правовых систем «Консультант-Плюс», «Гарант», «Кодекс», а также из Интернет-базы общества «Мемориал» и Фонда имени А.Д. Сахарова.

Известное значение в качестве источниковедческого материала представляют публикации периодической печати: прежде всего – издававшихся в Вятском ИТЛ на протяжении нескольких десятилетий многотиражных газет – «Лес – стране» (для заключенных), «Призыв» (для личного состава), «К трудовой жизни» (общелатерное издание), территориальных средств массовой информации – «Прикамская новь» (город Кирс), «Кировская правда», «Вятский край» и др., а также ведомственного журнала МВД СССР (МВД России) – «К новой жизни» («Воспитание и правопорядок», затем – «Преступление и наказание»). Вместе с тем, при всем обилии фактографических данных, эти источники (как сугубо официальные и подцензурные издания) требуют особо взвешенного и критического отношения.

Отдельное место среди источников занимают мемуарная литература и художественные произведения³⁹. Этот блок источников важен для понимания лагерной культуры, особого отношения к труду и к жизни, социальной организации лиц как лиц, лишенных свободы, так и лагерного персонала. При соблюдении определенных условий (критический подход, сравнительный анализ) эти источники помогают раскрыть многие стороны гулаговской истории.

³⁷ ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917-1960/Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров; науч. ред. В.Н. Шостаковский. – М., 2000; История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 томах. – М., 2004-2005; Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны в 1930-е годы: Сборник документов. – М., 1998.

³⁸ Фонд Р-5446 – Совет Народных Комиссаров//Совет Министров СССР; фонд Р-9414 – Главное управление мест заключения (ГУМЗ/ГУЛАГ) НКВД-МВД СССР; фонд Р-9492 – Министерство юстиции СССР; фонд Р-9401 – Секретариат НКВД-МВД СССР; фонд Р-9479 – Отдел спецпоселений НКВД-МВД СССР; фонд Р-8131 – Прокуратура СССР; см. также: История сталинского Гулага. Т.7.

³⁹ Афанасьев В.А. Вятлаг: записки политработника. – Рукопись; Гонцов М.Т. Бунт в Вятлаге//К трудовой жизни (п. Лесной). 1993. 1 октября; Груздев П. (архимандрит Павел). Родные мои... – Ярославль, 2004; Коновалов И.В. В честь 20-летия поселка (Лесного)//Призыв (газета Вятского ИТЛ). 1959. 16 апреля; Кононов А.И. Воспоминания о Вятлаге. Рукопись; Кремер П.Б. Дело по обвинению врача//Петля-2: Воспоминания, очерки, документы. – Волгоград, 1994; Лещенко П.Ф. Вятлаг в моей жизни. – Рукопись; Мазус И.А. Бунт в Вятлаге//Советская молодежь (Рига). 1991. 28 февраля; Его же. История одного подполья. – М., 1998; Окуневская Т.К. Татьяна день. – М., 2001; Панин Д. Лубянка-Экибастуз: Лагерные записки. – М., 1990.//Звезда. 1991. № 1; Перельмутер Б.Л. Глазами очевидца (Заметки бывшего политузника Вятлага). – Рукопись; Рацевич С.В. Глазами журналиста и актера (Из виденного и пережитого). Том второй, часть первая: 58 статья. – Нарва (Эстония), 2005; Рылов А. Закрытая зона (Записки редактора)//Трудовой вымпел (Киров). 1991. №№ 13-17; Семпер-Соколова Н.Е. Портреты и пейзажи: Частные воспоминания о XX веке. – М., 2007; Соколов П.П. Ухабы. Ч.VI. «Республика «Вятлаг»». – Красноярск, 2009; Страдиньш А. Лагерный дневник (Вятлаг, 1941-1943). – Киров, 2004; Фалько П. Семья Фалько//Родники (г. Мытищи). 2006. 24 января; Цалова Н. За что нас заставляли унижаться?//Прикамская новь (г. Кирс). 2003. 30 октября; Эзериня Б. Воспоминания//Памятный календарь-2000. – Резекне (Латвия), 1999. С.195-208; Эйсер И.А. Из воспоминаний//Вольтер Г.А. Зона полного покоя: Российские немцы в годы войны и после нее. – М., 1998. С.37-38, 50-51, 88, 104-106, 109-110, 113, 125-127, 149-151, 159, 343, 396, 400, 404-405, 411; Этингер Я.Я. Это невозможно забыть: Воспоминания. – М., 2001; Юркевич Ю.Л. Минувшее проходит предо мною. – М., 2000; Гольман Д. Разорванные пути: фрагменты романа//Книга для чтения. – Алма-Ата, 1988; Давыдов Ю.В. Бестселлер: Роман, книги 1-3. – М., 1998-2000; Его же. Синие тюльпаны: Повесть о бывшем ээке и тайном сыске//Дружба народов. 1990. № 12. С.3-88; Мазус И.А. Где ты был? (Короткий роман в рассказах и записях разных лет). – М., 1992; Ожегин П.Т. Судьба генерала//Прикамская новь (г. Кирс). 1990. 1 ноября.

Методологическая основа исследования.

При исследовании лагерно-производственной деятельности 1930-х – 1950-х гг. использовались подходы, разработанные в отечественной и зарубежной историографии последних десятилетий. Стоит отметить, что в основе авторского понимания сложных экономических и социальных процессов, шедших в советском обществе сталинской эпохи, лежит теория модернизации, то есть процесс перехода от традиционного социума к индустриальному. В Советском Союзе того времени именно государство стало организатором модернизации, вследствие чего в структуре новой общественной модели произошел частичный, но весьма существенный возврат к ряду регрессивных элементов (несвободный труд во многих сферах жизни, тотальный контроль над личностью и так далее). В итоге такие регрессивные элементы должны либо отмереть, либо привести к системному кризису⁴⁰. К сожалению, на долю СССР выпал именно второй вариант. В современной отечественной историографии изучение проблем модернизации российского общества прошлых эпох тесно связано с именем Б.Н. Миронова⁴¹. Интересные подходы (применительно к настоящему исследованию) содержатся в трактовке теории модернизации, предложенной В.П. Дмитренко, который попытался снять противоречия «классического» варианта модернизации⁴².

Одновременно с традиционными подходами применены и другие познавательные возможности социальной истории, истории повседневностей, исторической антропологии. Последние позволяют обратиться к исследованию личности советского человека (индивида) той эпохи.

Исследовательские техники репродуцирования и анализа источников в настоящей работе основаны на таких методах, как: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, факторного анализа. В последнем случае рассмотрены такие важные социально-экономические факторы, как производительность труда, себестоимость продукции, уровень коррупции в местах лишения свободы, а также проблемы мотивации (принуждения и стимулирования) в системе подневольного (лагерного) труда.

Особенность работы заключается также в широком использовании методов количественного анализа. Статистическая обработка содержащихся в источниках сведений является важнейшим исследовательским приемом при анализе системы Гулага в СССР.

Научная новизна исследования состоит в том, что в работе впервые комплексно рассматривается формирование и функционирование лагерной экономики как системы подневольного труда на примере конкретного территориально-лагерного комплекса – Вятлага НКВД-МВД СССР в 1938–1953 гг., что позволяет проследить развитие и кризис этой системы, особенности организации производства и использования рабочей силы.

На примере одного конкретного лагерного комплекса Гулага рассматриваются особенности отечественной экономики этого исторического периода, отличительные и схожие черты в истории Гулага и Советской страны в целом, причины появ-

⁴⁰ Лейбович О.Л. Модернизация в России. – Пермь, 1996. С.25.

⁴¹ См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2-х тт. – С.-Пб., 2003.

⁴² Данилов В.П., Дмитренко В.П., Лельчук В.С. Нэп и его судьба//Историки спорят. 13 бесед. – М., 1989. С.122-190.

ления массового подневольного труда в Советском Союзе той эпохи. Эти проблемы настоятельно требуют рассмотрения в современной исторической науке.

Практическая значимость диссертационной работы определяется тем, что содержащиеся в ней выводы, значительный фактический материал, впервые вводимый в научный оборот, могут быть использованы при создании обобщающих трудов по истории Гулага и советской экономики, в преподавании отечественной истории и в краеведении.

Положения, выносимые на защиту:

1. Лагерную экономику в СССР 1930-х – 1950-х гг. можно рассматривать как одну из важнейших черт сталинской социально-экономической модели, в которой политика, как правило, имела абсолютный приоритет над экономикой. Массовые политические репрессии и чрезвычайно жестокая система уголовных наказаний, служившие источниками постоянного увеличения лагерных «спецконтингентов», всегда были нацелены на решение политических задач, а с экономической точки зрения (не говоря уже о моральном аспекте) были ущербны.

При этом широко применялся подневольный труд узников Гулага, так как на необходимую инфраструктуру для жизни вольнонаемных рабочих, как правило, средств не оставалось. Именно массовый неквалифицированный подневольный труд подопечных карательно-исполнительной системы стал для властей на определенном этапе «ударных» строек 1930-х гг. самым удобным и востребованным, поскольку позволял вести строительство в любых условиях и при полном отсутствии начальной инфраструктуры.

2. Неэффективность лагерной экономики ярко прослеживается на примере производительности подневольного труда, которая практически не увеличивалась в течение всего исследуемого периода (несмотря на механизацию части работ) – при постоянном росте себестоимости продукции.

3. Организация производства и использования подневольной рабочей силы в Советском Союзе 1930-х – 1940-х гг. привела к формированию единого лагерно-хозяйственного комплекса, где все методы принуждения и стимулирования «спецконтингентов» были нацелены на выполнение планов производства «по валу». Вопросы перевоспитания правонарушителей стали вторичными. Более того, производственная направленность карательно-исполнительной системы в значительной мере обусловила образование латентного симбиоза уголовной верхушки и лагерных властей, а, в конечном счете, предопределила серьезную криминальную мутацию всей этой системы.

Апробация работы.

Результаты исследования и содержащиеся в диссертации концептуальные положения апробированы на выступлениях, состоявшихся в ходе региональных, межвузовских и всероссийских научных конференций: Всероссийская научная конференция «ГУЛАГ на севере России» (Ухта, 27–28 октября 2009 г.); Всероссийская научная конференция «10-е Петряевские чтения» (Киров, 25–26 февраля 2010 г.); Всероссийская научная конференция «Власть и общество на Европейском севере России: исторический опыт и современность» (Вологда, 16–17 марта 2010 г.); Всероссийская научно-техническая конференция «Общество, наука, инновации» (Киров, 12–13 апреля 2010 г.), а также нашли отражение в семи опубли-

кованных работах, включая одну монографию и три статьи в ведущих рецензируемых периодических изданиях, входящих в рекомендательный Перечень ВАК.

Структура настоящего исследования обусловлена решением поставленных в нем задач.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения, примечаний, библиографического указателя и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы и ее научная новизна, определены объект и предмет исследования, его хронологические и территориальные рамки, сформулированы цель и задачи работы, рассмотрены историография вопроса, источниковедческая база и методология исследования.

Первая глава – «Эволюция и тенденции развития производственно-хозяйственной инфраструктуры Вятского ИТЛ в 1938–1953 гг.».

В первом параграфе – «Становления лагерного хозяйства (1938 г. – первая половина 1941 г.)» – дается краткий обзор предыстории Вятского ИТЛ, прослеживаются этапы организации и становления его административной и производственно-хозяйственной инфраструктуры.

Отмечается, что к концу рассматриваемого периода (середина 1941 г.) Вятский ИТЛ сформировался как многопрофильный промышленно-хозяйственный комплекс, с превалирующей ролью лесозаготовительного и деревообрабатывающего производств, с относительно мощной строительной базой, развернутыми подсобным сельским хозяйством, железнодорожным транспортом, служебно-бытовой, жилищной и социально-культурной сферами.

При этом производственная деятельность Вятского ИТЛ с самого своего начала являла наглядный пример сугубо экстенсивных методов хозяйствования, свойственного советской системе в целом и ее карательно-исполнительной составляющей – в частности.

Наиболее характерная черта лагерной «экономики» на этом этапе – чрезвычайно широкое распространение тяжелого ручного физического труда. Показательно, например, что если по итогам 1939 г. механизированная вывозка леса по Наркомату лесной промышленности СССР составляла около 30%, по НКВД СССР в целом – 23,9%, то в Вятлаге в 1941 г. она не достигала и 7%. Еще хуже обстояли дела (по части механизации) на других фазах лагерного производства (лесоповал, строительство, сельское хозяйство и др.).

В отчетных документах Вятлага этого периода прослеживается постоянная «экономия» по основным нормативам расходных статей: на содержание заключенных, зарплату вольнонаемному персоналу, интендантское обеспечение и так далее.

Подневольная «рабочая сила» использовалась в лагерной хозяйственной системе крайне примитивно и узкофункционально: «человек-пила», «человек-топор», «человек-лопата», «человек-тачка» и т.п. Суть этой системы заключалась в том, чтобы интенсивной физической нагрузкой до дна и в короткий срок выкачать всю жизненную энергию человека. В гулаговской «империи» и в ее «провин-

циях», одной из которых и являлся Вятлаг, господствовала номенклатурно-бюрократическая психология временщиков.

Во втором параграфе – «Производство в Вятлаге в годы Великой Отечественной войны (вторая половина 1941 г. – 1945 г.)» – констатируется, что с началом Великой Отечественной войны, вследствие известной и естественной смены государственных приоритетов в целом, произошли существенные изменения и в карательно-исполнительной системе страны. Это, в свою очередь, не могло не сказаться на реальных условиях жизнедеятельности отдельно взятых исправительно-трудовых лагерей и колоний, в том числе и Вятского ИТЛ.

Военные годы – самый тяжелый период существования этого лагеря. Военное лихолетье принесло в Вятский ИТЛ, как и в другие подразделения карательно-исполнительной системы, с одной стороны, голод, холод и, как следствие, – беспрецедентно высокий уровень смертности среди «спецконтингентов», добавило немало дополнительных нелепостей в лагерную обыденность, с другой стороны, все-таки заставило более высоко ценить подневольную «рабочую силу» – как главный источник гулаговской «прибыли». Такая метаморфоза не имела никакого отношения к категориям гуманности. Она объяснялась весьма прагматическими соображениями, и, прежде всего, – острой нехваткой этой самой «рабочей силы».

Вместе с тем множество фактов свидетельствуют о том, что рядовые невольники в большинстве своем вполне «восполняли» даже такого рода минимальную псевдозаботу – своим каторжным трудом они и в невыносимо тяжелых военнo-лагерных условиях практически на всех переделах выполняли производственные задания, причем как по объемным, так и качественным показателям.

По отчетным данным, заключенные Вятлага выполняли плановые нормы производительности труда и на заготовке (около 3 кубометров в день), и на подвозке (трелевке), и на вывозке леса, и на разделке заготовленной древесины.

Среди «мобилизованных» немцев имелись лесозаготовительные бригады «двухсотников» и «трехсотников» (тех, кто выполнял производственные нормы на 200–300%).

В сельском хозяйстве те же немцы – «трудоармейцы» (в основном женщины), отличавшиеся по своей ментальности основательностью и добросовестностью, с молодых лет владевшие вековыми земледельческими навыками, и на кислых, тощих кайских почвах добивались невиданных в этих краях результатов.

Особым прилежанием в труде отличались и уцелевшие в лагере интернированные прибалты (латыши и эстонцы).

Несомненно, однако, и то, что лагерников в военные годы эксплуатировали гораздо интенсивнее: эта крайне дешевая «рабсила» пришлась в лихолетье как нельзя кстати и казалась государственно-партийной номенклатуре чрезвычайно выгодной (во всяком случае – более выгодной, чем в условиях мирного времени). Цена этим «администраторским иллюзиям» известна и в лагерях она проявилась с предельной наглядностью: если изможденные лошади («гужевая сила») «плана не давали», то не менее изморожденные люди («исполнители программы») свои трудовые задания выполняли и перевыполняли. Правда, теперь уже практически невозможно установить, сколько в этих отчетах приписок на всех стадиях производства – от низовой «зековской» бригады до лагерного Управления.

Окончание войны Вятский ИТЛ встретил как стабильно функционирующая карательно-исполнительная и производственная структура, нацеленная на адекватное исполнение всего комплекса поставленных перед нею задач.

В третьем параграфе – «Лагерная экономика в послевоенный период (1946–1953 гг.)» – прослеживается эволюция производственной инфраструктуры Вятского ИТЛ в послевоенные годы и резюмируется, что как и вся советская система подневольного труда, эта инфраструктура по определению не соответствовала критериям и принципам рациональной экономики. Уже к середине 1950-х гг. стало очевидным, что вся советская экономика и в возрастающей степени нуждается в труде добровольном, высококвалифицированном и высокопроизводительном. Предпринимались меры (в координатах господствующей политико-идеологической системы и в меру осознания сути проблемы высшим руководством страны) для адаптации оказавшейся в кризисе лагерной производственной сферы к новым социально-экономическим условиям и императивам. Однако сделать это в форматах архаичной системы подневольного труда было невозможно.

Труд заключенных, основанный на внеэкономическом принуждении, оказывался невосприимчивым к техническому прогрессу и новым формам организации производства. А робкие попытки, направленные на «раскрепощение» этого труда, подрывали основу лагерной системы – ее режимную компоненту. Поэтому стремление гулаговского руководства на всех уровнях – от МВД до администрации низовых подразделений – совместить производственную и «лагерную» составляющие лишь затягивало процесс распада советско-сталинской модели карательно-исполнительной системы. Новые вызовы требовали не мимикрии, а кардинальной трансформации этой системы. Однако этот процесс растянулся на десятилетия, перейдя за границы века прошлого и доставшись в наследство веку нынешнему.

Вторая глава – «Система функционирования лагерной экономики (на материалах Вятского ИТЛ)».

В первом параграфе – «Организация производства и использования рабочей силы» – рассматривается (на примере Вятского ИТЛ) ряд узловых проблем, связанных с организацией труда в местах лишения свободы.

Отмечается, что использование подневольной «рабочей силы» в Вятлаге, как и во всей советской карательно-исполнительной системе, при всех ухищрениях лагерной статистики нет оснований считать сколько-нибудь рациональным. Так, удельный вес трудоспособных среди «спецконтингентов» в Вятском ИТЛ, по отчетным данным, составлял от 98,6% в 1941 г. до 80,9% – в 1946 г. Вместе с тем процент вывода так называемых «производителей программы» на оплачиваемые работы никогда в рассматриваемый период (1938–1953 гг.) не достигал плановых показателей и фактически составлял: в 1946 г. – 77,2% (при нормативе – 79,5%), в 1947 г. – 72,8% (норматив – 79,6%), в 1952 г. – 66,4% (норматив – 69,7%), в 1953 г. – 66,9% (норматив – 71,9%).

Постоянно наблюдалась парадоксальная ситуация, когда лагерь, имея перманентное превышение установленных лимитов размещения «спецконтингентов», испытывал столь же хронический дефицит «рабочей силы» для реализации своей первоочередной неформальной задачи – «безусловного выполнения государственного плана». При этом практически отодвигались на второй план, а нередко про-

сто игнорировались, интересы обеспечения и соблюдения требований нормативно-правового режима, условий содержания подневольных, не говоря уже о коренных пенитенциарных принципах и императивах.

Лагеря из правоисполнительной и правоприменительной структуры превращались во все более криминализировавшиеся хозяйственные субъекты – с верховенствующими в них неформальными, латентными схемами подчинения и власти, что обернулось тяжелейшими последствиями на рубеже сталинской эпохи и предопределило мутации отечественной уголовно-исполнительной системы в последующий период.

Вместе с тем организация труда в лагерях отличалась предельной формальной региментацией и рутинизацией, обставлялась массой условий, регламентаций, ограничений, прежде всего – по «режимно-оперативным соображениям». Это существенно затрудняло организацию технологического процесса, возможности его модернизации, технического оснащения, повышения эффективности производства. За счет интенсивных методов руководства хозяйством «лагерный лесоповал» вплоть до середины 1970-х гг. еще выдерживал (во всяком случае – по количественным параметрам) конкуренцию со смежными общегражданскими предприятиями (леспромпхозами, лесозаводами, лесокомбинатами и т.п.), но последующее внедрение в лесную промышленность новых технологий, машин и оборудования, прогрессивных форм и методов организации труда (валочно-пакезирующие комплексы, автоматизация деревообработки и т.д.) все более оттесняли подневольное производство по сущностным технико-экономическим (качественным) показателям на арьергардные позиции – как в отечественной лесной отрасли, так и на внутреннем, а тем более – на внешнем рынках.

Во втором параграфе – «Принуждение и стимулирование в системе лагерного труда» – проводится анализ конкретных методов принуждения к подневольному труду и его мотивации на отдельном объекте «лагерной экономики», каковым на протяжении нескольких десятилетий являлся Вятский ИТЛ НКВД-МВД СССР.

В изучении способов организации и использования подневольного труда узников сталинских лагерей особое место занимает анализ конкретных методов принуждения к такому труду и его мотивации. Исследование этих вопросов в работах, освещающих этапы становления советской лагерной сети и ее административной структуры, ведется, как правило и лишь за некоторыми исключениями, с позиций институционального подхода, на макроуровне. Между тем все более актуальным становится сочетание такого подхода с микроанализом данных об использовании и стимулировании подневольного труда на отдельных объектах «лагерной экономики», одним из которых на протяжении нескольких десятилетий являлся Вятский ИТЛ НКВД-МВД СССР.

Теоретически установлено и в течение тысячелетий практически подтверждено, что системы стимулирования человеческого труда включают три основных составляющих: принуждение, побуждение и поощрение (вознаграждение). При нормальных внешних условиях функционирования производства (отсутствие войн, природных катаклизмов и т. п.) ведущую роль играет, несомненно, последняя составляющая.

В лагерных же условиях фундаментом системы стимулирования к труду, по вполне понятным причинам, являлось принуждение, причем в самых жестких его формах. Именно поэтому принудительно-обязательный труд в советских лагерях регулировался целым рядом строгих, а нередко и жестоких наказаний.

В частности, в соответствии с «Временной инструкцией о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях», введенной приказом НКВД СССР от 2 августа 1939 г. № 00889, для заключенных за «нарушение правил внутреннего распорядка, недобросовестное отношение к труду или отказ от работы» предусматривался (статьи 104–137) определенный порядок наложения дисциплинарных взысканий.

Так, начальником Управления лагеря могло быть наложено одно из следующих взысканий: а) лишение свиданий, переписки, передач на срок до 6 месяцев, ограничение в праве пользования личными деньгами на срок до 3-х месяцев и возмещение причиненного ущерба; б) перевод на общие работы; в) перевод в штрафной лагпункт сроком до 6 месяцев; г) перевод в штрафной изолятор сроком до 20 суток; д) перевод на худшие материально-бытовые условия (штрафной паек, менее благоустроенный барак и т. п.).

Начальник лагерного подразделения (ОЛПа, лагпункта) имел право наложения взысканий в виде: а) лишения передач и переписки на срок до 2-х месяцев, ограничение в праве пользования личными деньгами на тот же срок; б) перевода в штрафной изолятор сроком до 5 суток; в) перевода на общие работы; г) перевода на худшие материально-бытовые условия содержания.

Командный состав на производстве (главный инженер, начальник работ, про- раб) пользовался дисциплинарными правами в пределах, установленных соответственно для начальника лагеря и начальника лагерного подразделения, в отношении следующих видов взысканий: а) перевод на общие работы; б) ограничение в праве пользования личными деньгами; в) возмещение причиненного ущерба; г) перевод на худшие материально-бытовые условия содержания. При этом право водворения подневольных в штрафной изолятор, штрафной лагпункт, карцер, как и право лишения свиданий, переписки, передач (посылок) этой лагерно-административной категории не предоставлялись.

Наконец, правом наложения взысканий обладали представители низового производственно-управленческого звена (десятники, мастера), которые могли наказать рядового подневольного рабочего: а) переводом на общие работы; б) переводом на ухудшенные материально-бытовые условия (на питание по «штрафному котлу», проживание в менее благоустроенном бараке).

Помимо перечисленных мер взыскания в лагерях действовали и более жесткие нормы дисциплинарного воздействия.

Изучение практики применения разнообразных стимулов подневольного труда в этом лагере дает основание для некоторых выводов, относящихся как к этому лагерному комплексу, так и ко всей производственной системе Гулага.

Очевидно, что, с одной стороны, даже в тех запредельных условиях принуждения, которые существовали в лагерях, организация сколько-нибудь эффективного труда заключенных требовала применения и своеобразной системы его «позитивной мотивации», что, однако, было осознано и высшим политическим руко-

водством и низовой администрацией лагерной системы с несомненным опозданием, предопределившим кризис этой системы в начале 1950-х гг.

С другой стороны, неизменным и доминирующим элементом спектра форм и методов стимулирования подневольного труда на всем протяжении рассматриваемого периода оставались механизмы принуждения, понуждения, репрессии. При ослаблении этих механизмов давали сбой и все другие составляющие системы управления лагерным производством, где труд из средства социальной реабилитации превращен в инструмент наказания, кары, расправы, а лишенный свободы индивидуум из объекта пенитенциарного воздействия низведен до уровня обезличенного «предмета труда», бесправного «исполнителя программы», обесцененного «винтика» в бесчеловечном лагерно-хозяйственном «зазеркалье».

В третьем параграфе – «Проблемы эффективности лагерной экономики» – рассматриваются различные подходы к трактовке обозначенных проблем.

Исследование проблем эффективности подневольного труда в сталинских лагерях занимает особо значимое место в современном «гулаговедении». Почти аксиоматичным стало признание того факта, что эта разновидность труда являлась неотъемлемой и весомой составной частью отечественной системы хозяйствования. Гораздо меньшее единодушие присутствует в оценках ее эффективности.

Некоторые исследователи подходят к решению проблемы априорно, отмечая, что в экономической теории давно доказано преимущество «вольного» труда перед «подневольным» («принудительным»). Другие, констатируя то же самое, исходят от эмпирики, используя многочисленные воспоминания бывших лагерников, свидетельствующих (как правило, с субъективной достоверностью) о низкой производительности труда в местах лишения свободы, широко распространенной в них «туфте» и т. п., оперируя также общими статистическими показателями о значительных расходах на охрану, обустройство и содержание инфраструктуры лагерей и т. д. Третьи утверждают, что в ряде случаев использование подневольного труда приносило государству убытки, но в ряде случаев – и доходы.

Важно отметить в этой связи, что в оценках различных инстанций, проверявших лагерно-производственный сектор, многое зависело от политической конъюнктуры. Например, в докладной записке Л.П. Берии И.В. Сталину и В.М. Молотову от 27 января 1945 г. сообщалось, что «все лагеря, все исправительно-трудовые колонии и предприятия НКВД находились (в годы войны. – Н. Б.) на полной самоокупаемости, не получая никакой дотации из государственного бюджета», а в результате производственно-хозяйственной деятельности лагерей, колоний и предприятий НКВД в 1944 г. были «получены накопления в сумме 1.630.000.000 р.».

Ракурс оценок резко менялся, когда тем же ведомственным руководителям (в том числе Л.П. Берии) требовались иные политические мотивировки, для которых нужна была не демонстрация результативности лагерного хозяйства, а нечто совсем другое. Так, во второй половине 1953 г. по инициативе ЦК КПСС проводился ряд проверок территориальных лагерных подразделений. Свою задачу проверяющие, разумеется, выполнили. Но если ранее в различных отчетах, докладах и справках данные свидетельствовали об «экономической ценности» Гулага, то те-

перь – с диаметральной противоположностью – об однозначной ущербности лагерного труда. Например, заместитель начальника финансового отдела УИТК ГУЛАГа МВД СССР А.Е. Рубанов теперь подчеркивал, что «содержание лагерей и колоний в течение ряда лет не окупалось доходами от трудового использования заключенных». В справке главной бухгалтерии ГУЛАГа по итогам выполнения государственного плана за январь–июнь 1954 г. отмечалось, в частности, что план по накоплениям недовыполнен на 25,2%, план по доходам от трудоиспользования заключенных выполнен лишь на 91%, а фактические расходы по содержанию лагерей и колоний превысили доходы от предоставления рабочей силы на 448.100.000 р., или на 50.600.000 р. более плана. На покрытие превышения расходов над доходами было получено дотаций из госбюджета на сумму 270.700.000 р. (то есть недополученная дотация составила 177.400.000 р.), что «создало в лагерях и колониях финансовое напряжение» и привело к использованию личных денег заключенных в сумме 46.000.000 р.».

Что касается Вятского ИТЛ, то в акте его передачи от 1 сентября 1954 г. откровенно признается, что этому лагерю «необходима срочная финансовая помощь», поскольку общая сумма его «неплатежей на 11 марта 1954 г. достигла 17.592.000 р., что, по существу, соответствует размерам недостатка собственных оборотных средств».

Учитывая весь спектр мнений и подходов, наиболее продуктивным, однако, представляется рассмотрение вопроса об эффективности подневольного труда как выяснение, с одной стороны, соотношения его результатов с затратами (что, собственно, и соответствует определению эффективности в рамках экономической теории), а, с другой стороны, – как сопоставление тех же результатов с соответствующими показателями в «нелагерных» предприятиях. В современной отечественной историографии в связи с этим существует точка зрения, что сравнения подневольного («принудительного») и «вольнонаемного» труда в СССР во второй половине 1930-х – начале 1950-х гг. практически невозможны – вследствие отсутствия адекватных источников.

По мнению автора, наиболее продуктивными и перспективными представляются исследования на микроуровне: сравнение эффективности производства конкретных видов продукции, которое осуществляется в сходных территориальных, климатических, организационно-технических и тому подобных условиях. Но и при этих исследовательских подходах неизбежны сложно преодолимые методологические трудности, обусловленные необходимостью определения и выявления сравнимых, сопоставимых показателей для лагерного и «гражданского» производств. С источниковедческой точки зрения наибольшую трудность вызывает именно поиск заданных показателей, причем в отчетности не столько гулаговских подразделений, сколько – гражданских предприятий: формы отчетности по многим параметрам не совпадают, по некоторым периодам статистические данные отсутствуют вообще, а по значительному числу предприятий они утрачены безвозвратно.

Таким образом, задача полномасштабного и всестороннего анализа проблем сравнительной экономической эффективности подневольного лагерного труда

разрешима (при современном уровне ее клиометрического обеспечения) лишь на уровне гипотетической постановки и предположительных выводов.

Все более актуальными для изучения проблемы эффективности лагерной системы хозяйствования становятся такие аспекты этой темы, как влияние указанной системы на экологическую ситуацию в местах дислокации ИТЛ и на прилегающих территориях, на экономическое развитие этих регионов, социально-демографические последствия многолетнего функционирования карательно-исполнительных учреждений, его криминогенного воздействия на окружающее местное население.

Экологические и социально-демографические последствия этой деятельности на региональном уровне болезненно ощущаются уже сегодня и, видимо, приобретут еще большую остроту в будущем. От системы, где не представляет никакой ценности человеческая жизнь, по меньшей мере наивно ожидать щадящего, рачительного, бережного отношения к природе, органичной частью которой, собственно, и является человек.

Особые условия функционирования лагерно-производственной системы (повышенная секретность и бесконтрольность) способствовали также широкому распространению и таких ее хронических пороков, как приписки, ложные отчеты, недостачи, непроизводительные расходы, растраты, проявления коррупции. Причем, судя по всему, эти пороки были свойственны лагерной системе не в меньшей, а, возможно, и в большей степени, чем это было присуще всей советской хозяйственной модели.

В лагерях, в том числе и Вятском ИТЛ, наблюдался непрерывный рост себестоимости товарной продукции. Если в 1950 г. себестоимость 1 кубометра продукции лесозаготовки в этом лагере составляла 5,41 р., то в 1953 г. – уже 6,85 р. (рост – на 26,6%). Процветали приписки объемов выполненных работ, хищническая «добыча» леса, когда огромные штабеля древесных хлыстов (прошедших по отчетам о «выполнении планов») оставались не вывезенными – гнить на таежных делянках. Размеры «отходов» производства достигали огромной величины: на большинстве лесных лагерных пунктов в брак отсортировывалась, например, даже та древесина, которая «не воспринималась» (из-за ее чрезмерного диаметра) пилорамами.

Сотнями тысяч и даже миллионами рублей выражались суммы непроизводительных расходов, потерь от недостач и хищений. Они составляли: за январь–июнь 1940 г. – более 335.500 р., за 1942 г. – более 8.000.000 р., а за 11 месяцев 1943 г. – около 2.300.000 р., за 1944 г. – 1.223.000 р., за 11 месяцев 1946 г. – более 600.000 р., за один месяц (октябрь) 1947 г. – 60.000 р., за два месяца (январь–февраль) 1948 г. – 137.000 р., за 1953 г. – 1.581.000 р. (в том числе недостачи и хищения – 244.000 р.). В 1952 г. в ходе инвентаризаций выявлены недостачи лесопроductии общим объемом 4.485 кубометров – на сумму 102.000 р.

Многочисленными фактами, свидетельствующими о перманентности и всеобщности указанных явлений в Вятском ИТЛ, а также о коррумпированности значительной части персонала и охраны, изобилуют архивные материалы этого лагеря.

«Лагеря – не наш идеал», – этот тезис, который прозвучал на заседании Президиума ЦК КПСС еще 8 февраля 1954 г. и мог бы стать отправной точкой к повороту всей советской уголовно-исполнительной системы в сторону общепринятой цивилизованной пенитенциарной политики и практики, по сути, повис в воздухе, оказался невостребованным, а затем был признан порочным и неприемлемым. Гулаговская (во всяком случае – по методам организации производственно-хозяйственной деятельности) система продлила существование еще на полвека с лишним – со всей своей бесчеловечностью (а, значит, нерациональностью и неэффективностью) и разлагающим влиянием на весь отечественный социум, включая его экономическую составляющую.

В заключении подведены основные итоги исследования, сформулированы выводы.

В ходе форсированной индустриализации по решениям руководства страны началась масштабная колонизация малоосвоенных территорий Европейского Севера, Урала, Сибири, а также строительство множества промышленных гигантов в обжитых регионах страны. При этом широко применялся подневольный труд узников Гулага, так как на необходимую инфраструктуру для жизни вольнонаемных рабочих, как правило, средств не оставалось. Именно массовый неквалифицированный подневольный труд подопечных карательно-исполнительной системы стал для властей на определенном этапе «ударных» строек 1930-х гг. самым удобным и востребованным, поскольку позволял вести строительство в любых условиях и при полном отсутствии начальной инфраструктуры. Но установка на массовый неквалифицированный подневольный труд противоречила в дальнейшем освоению современной техники, и в послевоенный период ярко высветилась нерентабельность и неконкурентоспособность этого труда в сравнении с трудом вольнонаемных работников при производстве однотипной продукции. Необходимость реформирования Гулага стала очевидной для всех.

Неэффективность лагерно-хозяйственной деятельности ярко прослеживается на примере производительности подневольного труда, которая практически не увеличивалась в течение всего исследуемого периода (несмотря на механизацию части работ) – при постоянном росте себестоимости продукции.

Организация производства и использования подневольной рабочей силы в Советском Союзе 1930-х – 1940-х гг. привела к формированию единого лагерно-хозяйственного комплекса, где все методы принуждения и стимулирования «спецконтингентов» были нацелены на выполнение планов производства «по валу». Вопросы перевоспитания правонарушителей стали вторичными. Более того, производственная направленность карательно-исполнительной системы в значительной мере обусловила образование латентного симбиоза уголовной верхушки и лагерных властей, а, в конечном счете, – предопределила серьезную криминальную мутацию всей этой системы.

Перспективы исследования предполагают всестороннее изучение лагерной экономики в Советском Союзе сталинской эпохи на более широкой архивной базе.

Основные выводы и положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях автора:

Монографии:

Белых Н.Ю. Экономика Вятлага как система подневольного труда в 1938–1953 гг.: монография/Н.Ю. Белых. – Киров: ВятГУ, 2009. – 304 с. (15 п.л.).

Публикации в изданиях, входящих в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, рекомендуемых ВАК:

2. Белых Н.Ю. Территория принудительного земледелия. Подсобное хозяйство Вятлага (1938–1956)/Н.Ю. Белых//Родина. 2009. № 12. С. 148–151 (0,6 п.л.).

3. Белых Н.Ю. «...На строительство боевых самолетов «Лаврентий Берия»»: Вятлаг военной поры/Н.Ю. Белых//Родина. 2010. № 3. С. 120–122 (0,5 п.л.).

4. Белых Н.Ю. Репрессированные граждане Латвии в лагере под Вяткой: 1938–1955 гг./Н.Ю. Белых//Вопросы истории. 2010. № 3. С.86–91 (0,5 п.л.).

Публикации в других научных журналах и изданиях:

5. Белых Н.Ю. К истории становления производственной инфраструктуры Вятского ИТЛ НКВД СССР (1938 – первая половина 1941 года)/Н.Ю. Белых//Экономика Вятского края: исторический аспект/. Вып. 1. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. С. 111–135. (1,5 п.л.).

6. Белых Н.Ю. Производственная деятельность Вятского ИТЛ МВД СССР в послевоенный период (1946–1953 годы)/Н.Ю. Белых//Экономика Вятского края: исторический аспект. Вып. 1. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. С. 136–158. (1,3 п.л.).

7. Белых Н.Ю. Проблемы экономики Вятлага в начале Великой Отечественной войны/Н.Ю. Белых//Десятые Петряевские чтения: материалы Всероссийской научной конференции. – Киров, 2010. С. 208–216. (0,5 п.л.).

Подписано в печать 19.04.2010 г.

Формат 60×84 ¹/₁₆.

Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 1,25.

Тираж 100 экз.

Заказ № 1386.

Издательство Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26

Издательский центр Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673-674